

В глубь горы Одинокого Шамана вела лишь одна тропа. Давным-давно охотники из подгорной деревни сообща отыскивали относительно ровные валуны и вымостили ими путь, но время и непогода безжалостно обошлись с их трудом. Бурые каменные плиты сплошь покрылись густым влажным мхом.

Линь Фэн, опытный таёжный зверолов, выудил из глубин своей бревенчатой хижины обувь, наскоро сшитую из плотных шкур, и протянул её Фан Чжуншаню:

— Совсем новые, примерь-ка. Тропы нынче скользкие, а в этих обутках ноги держать будут крепко, не поскользнёшься. Да и случись нелёгкая — встретим в чащобе какого свирепого зверя — хоть унести ноги сумеем побыстрее.

Фан Чжуншань примерил — обувь пришлась впору, будто на него шили.

Цзян Жан был Сяо шуаньэром, а им по деревенским обычаям строго-настрого запрещалось ходить на гору Одинокого Шамана.

Поэтому Фан Чжуншань проводил его до дома, строго-настрого наказав сидеть в тепле и не высовываться. Лишь когда Сяо шуаньэр послушно кивнул в ответ, Чжуншань облегчённо вздохнул, взял подаренные Линь Фэном каменный нож да деревянные стрелы и поспешил к лесистым кручам.

Линь Фэн не солгал: утренний туман и тяжёлая роса густо покрыли каменные ступени влагой. Из-за вековой тени переплетённых крон солнечные лучи едва пробивались к земле, отчего сырость здесь не просыхала вовсе. Даже в надёжной охотничьей обуви стоило на миг зазеваться — и нога тут же ехала по скользким валунам.

К счастью, Фан Чжуншань в прошлой жизни годами промышлял сбором трав в глухих дебрях и к горным кручам привык давно. Он ступал уверенно и легко, ни разу не оступившись. Идущий впереди Линь Фэн то и дело оглядывался на него с растущим изумлением:

— Если бы я не знал наверняка, что ты прежде в эти края не совался, то решил бы, что ты с пелёнок по скалам лазаешь!

Шутка ли — редкий таёжный охотник в этих горах не переломал себе кости на коварных тропах.

Фан Чжуншань лишь мысленно усмехнулся.

«Если считать прошлую жизнь, то так оно и есть — с малых лет босиком по кручам носился»

В те суровые годы, когда он, не щадя сил, добывал редкие корни, о мощёных тропинках никто и не слыхивал. Приходилось штурмовать отвесные скалы, цепляясь одной лишь рукой за

скользкие цепи над бездной.

Откровениями с посторонними он делиться не собирался. Мягко улыбнувшись, Чжуншань уклончиво ответил:

— У меня к горам душа лежит, как увижу — сразу тепло становится. Может, и впрямь чутьё от природы.

Гора Одинокого Шамана не была высочайшим пиком на юго-востоке Страны Великого Спокойствия, но её дикое величие, бескрайние раскидистые отроги и мрачные ущелья внушали трепет. Силы местных звероловов были не беспредельны — рукотворная тропа обрывалась ровно через пятнадцать ли, у самой первой лесной развилки.

Линь Фэн знал эти дебри как свои пять пальцев. Он указал рукой на едва заметную просеку:

— Я там давеча пару силков и ям оставил, давай проверим. Бог даст, поймаем глухого зайца или фазана — будет твоему молодому супругу знатное угощение.

При этих словах у Фан Чжуншаня вспыхнул живой интерес. Заметив, как блеснули глаза попутчика, Линь Фэн добродушно вздохнул — с лёгкой завистью и грустью:

— Сразу видно, семейный человек! Совсем другое дело, когда дома тебя кто-то ждёт и за сердце держит — работа так и спорится. Обзаведёшься потом детишками, заживёте шумно да весело... Не то что мы, бобыли одинокие, вечно одни кукуем.

Фан Чжуншань уже открыл было рот, чтобы возразить — дескать, он просто заботится о Цзян Жане из сострадания и вовсе не помышляет о супружестве, а уж тем более о детях. Однако слова застряли в горле. Перед мысленным взором невольно предстали ясные, словно подёрнутые влагой глаза Сяо шуаньэра.

Они лучились такой чистой, робкой красотой, какая бывает лишь у ночных звёзд, усыпавших небосвод над их лачугой в первую брачную ночь.

Тогда, в полумраке душевной комнаты, Цзян Жан робко плескался в бадье и звал его по имени, прося войти. Фан Чжуншань стоял за дверью, не смея переступить порог, но шорох воды, тихий плеск и прерывистый шёпот юноши ложились на сердце с щемящей ясностью.

Он знал, что Цзян Жан всей душой желает стать его настоящим, единственным супругом.

Отвергнуть эту безмолвную преданность сейчас, разболтав чужому человеку свои сомнения... Узнай об этом Цзян Жан, его хрупкое сердечко просто разорвалось бы от горя.

Фан Чжуншань промолчал.

Линь Фэн бросил эти слова мимоходом и ответа не ждал. Не заметив замешательства спутника, он продолжал добродушно травить байки, уверенно раздвигая руками густой сухостой и высокую осоку, преграждавшую путь.

Ловушки представляли собой глубокие ямы, вырытые в человеческий рост и замаскированные сверху тонким слоем хвороста и пожухлой травы.

Линь Фэн так и припал к земле, разгребая маскировочную солому, и тут же восторженно замахал руками:

— Иди сюда, Чжуншань, погляди-ка! Ну и жирный же русак! Везучий ты парень, клянусь предками! Обычно эти ямы по полгода пустые стоят, а стоило тебе со мной пойти — и на тебе, добыча сама в руки идёт!

Подошедший Фан Чжуншань заглянул на дно ямы. Там и впрямь метался крупный, упитанный серый заяц, тщетно пытаясь вскарабкаться по отвесным земляным стенам.

Не обращая внимания на комья сырой земли, Линь Фэн распластался на краю ямы и, изловчившись, сгрёб зайца за уши.

— Увесистый зверь! — довольно причмокнул охотник, прикидывая вес добычи на руке. — Цзиня три-четыре потянет! Дома в котелке затушим — на два сытных обеда хватит! Поделим по-братски, пополам.

Охотник так и сиял от радости, на ходу придумывая новые рецепты для угощения.

Первая удача в самом начале пути заметно прибавила сил обоим мужчинам.

Линь Фэн на радостях проверил остальные ямы и силки в округе, но, увы, богатого улова больше не случилось — лишь в одну из петель угодил тощий лесной фазан.

Впрочем, Фан Чжуншань ничуть не расстроился. Он шёл в горы не ради дичи, а чтобы разведать местность да присмотреться: сулят ли здешние дебри поживу для травника? Сможет ли он вновь заняться ремеслом, которое кормило его в прошлой жизни?

И наблюдения его не обманули. Пристально вглядываясь под ноги по пути, он то и дело подмечал знакомые стебли. Удивительное дело: пусть мир вокруг был чужим, а Страна Великого Спокойствия лежала за тридевять земель от его прежней родины, многие целебные растения на склонах горы Одинокого Шамана были точь-в-точь такими же, какими он их помнил.

Линь Фэн заметил, что его спутник то и дело застывает на месте, поглядывая на лесную подстилку.

— Я погляжу, ты всё на траву Драконьего Языка засматриваешься, — добродушно прищурился охотник. — Что, ведаешь в корнях толк или просто любопытствуешь?

Трава Драконьего Языка. Внешне она ни единой прожилкой не отличалась от той, что собирал Фан Чжуншань в своём прежнем мире, и даже название совпало один в один. Оставалось лишь выяснить, совпадают ли её целебные свойства.

Утихомирив забившееся от радости сердце, Чжуншань как можно равнодушнее протянул:

— Трава Драконьего Языка? Надо же... Впервые вижу такое диво. Листья у неё больно причудливые, вот глаз и зацепился. И подумать не мог, что это снадобье.

Линь Фэн согласно кивнул: откуда парню, сроду не бывавшему в тайге, знать лесные секреты.

А вот для настоящего таёжника мало быть сильным и метким — нужно ещё и в травах смыслить, чтобы в случае беды суметь помочь себе самому.

Указав концом лука на широкие, мясистые стебли, Линь Фэн пояснил:

— Гляди: лист у неё точь-в-точь как змеиный язык, а по краю — белёсые разводы, будто изморозь. В народе её за это зовут травой Драконьего Языка. Вещь ценнейшая, змеиный яд вмиг вытягивает. Меня самого как-то раз с того света воротила!

Гора Одинокого Шамана высилась на самом юго-западе Страны Великого Спокойствия. В этих краях вечно царили удушливая жара и затяжные ливни, из-за чего в густом подлеске плодились несметные полчища ядовитых гадов.

Зверолов частенько хаживал по глухим чащобам. Стоило разок сплеховать да наступить в траве на гадюку — и та, извернувшись, тут же вонзала зубы в плоть. В такие минуты спасти могла лишь трава Драконьего Языка: пожуй её хорошенько, приложишь зелёную кашицу к ране — глядишь, и отпустит лихорадка.

«Снимает жар, унимает одышку, нейтрализует змеиный яд»

Слова Линь Фэна слово в слово подтверждали его собственные догадки.

На душе у Чжуншаня окончательно потеплело. Теперь он с удвоенным вниманием вглядывался в зелёный покров под ногами, надеясь отыскать и другие знакомые виды. Если повезёт — он сможет не просто выжить в этом мире, но и вернуться к любимому делу.

Заметив задумчивое молчание товарища, Линь Фэн решил, что тот сомневается в его словах, и принялся горячо наставлять его:

— Ты ещё молод, Чжуншань, жизни не видел, оттого и не понимаешь, какова ценность этих невзрачных былинок. Любой из нас, кто годами кормится тайгой, обязан хоть пару-тройку лечебных корешков различать. Случись беда — некогда будет лекаря звать. Беда лишь в том, что добра этого в лесу немерено, а ума у нас не хватает, чтобы во всём разобраться. Берём лишь то, что точно не отравит. А вот по осени, когда спадает жара, из самого города Процветающего Ян сюда повально тянутся заготовители трав. Они на этих кореньях целые состояния сколачивают, мешками вывозят и городским аптекарям сдают!

— Вот где лёгкая монета водится! Я как-то нанимался к ним проводником, дышал им в спину да примечал потихоньку, что они рвут. Иная невзрачная травинка, которую ты и косой не зацепишь, ценится дороже целой связки фазанов!

В голосе охотника сквозила неприкрытая зависть.

Звероловом-то стать нехитро — была бы сила в руках да капля отваги. А вот травником или заготовителем без грамоты и глубоких знаний не проживёшь. Секреты эти в семьях веками берегли, передавая строго от отца к сыну.

Не зря старые мудрецы говаривали, что за верный рецепт и золотого слитка не жалко. А коли так, то и целебный корень дешёвым быть не может.

Линь Фэн любил поболтать, а заметив, как жадно прислушивается к его словам спутник, увлёкся и принялся выкладывать всё, что знал о заезжих торговцах.

Фан Чжуншань быстро ухватил суть: в Стране Великого Спокойствия ремесло травника пользовалось почётом и приносило немалый доход.

А уж ему-то, если отбросить ложную скромность, все секреты этого дела были знакомы лучше, чем любому из местных заготовителей.

В голове созрел чёткий план. Плечи расправились, в теле заиграла бодрая сила — Чжуншань понял, что возвращение к прежнему ремеслу не за горами. Душа его ликовала.

Приободрившись, он прибавил шаг, стараясь не отставать от Линь Фэна, уходившего всё глубже в сумеречные горные дебри.

Пока Фан Чжуншань пробирался сквозь чащобу, оставшийся дома Цзян Жан и не подозревал, какая беда поджидает его на пороге. Это должно было стать его первым серьёзным

испытанием после свадьбы.

Поскольку брак этот заключили наспех, лишь ради спасения больного от злого рока, в семействе Фан не спешили разглашать новость о том, что младшего сына отделили и выставили за дверь без гроша в кармане.

Да только деревня Речного Отдыха была слишком мала, чтобы утаить шило в мешке. Местные кумушки да досужие шуаньэры вмиг разнесли слухи. Не успел Чжуншань перевезти своего суженого на южную окраину, как весть об этом долетела до деревни Цзян, прямо в уши его родне.

Господин Юань первым не выдержал. Прослышав о случившемся, он принялся пилить Отца Цзяна, без умолку жужжа ему на ухо:

— Семья-то у них не из простых, предки в учёных чинах ходили! В деревне Речного Отдыха вовсю шепчутся, будто Старая госпожа Фан припрятала на чёрный день целый сундук серебра!

Он то и дело косился на мужа, но лицо Старика Цзяна оставалось безучастным. Видя, что тот и ухом не ведёт, Господин Юань рассердился, топнул ногой и запричитал:

— Да что ж ты за чурбан такой! Люди в золоте купаются, а тебе хоть бы хны! Неужто ни единой мысли в твоей пустой голове не родилось?

Старик Цзян, простой и неотёсанный мужик, из которого в базарный день слова не вытянешь, лишь досадливо поморщился от этих бабьих бредней. Наконец, устав от нытья, он буркнул:

— И чего ты мелешь? Думаешь, если мы губы раскатаем, они нам сразу мошну свою принесут?

Эти слова пришились Господину Юаню как нельзя кстати. Он довольно хлопнул в ладоши и придвинулся ближе:

— А почему бы и нет? Старуха-то, понятно, костями ляжет, а копейки не отдаст. Но ведь у нас есть этот щенок, Фан Чжуншань! Мы ему нашего шуаньэра, считай, задаром отдали, столько лет кормили-поили! Неужто не имеем права потребовать с него сыновний выкуп из того добра, что он при разделе имущества отхватил? Это ведь по закону, всё честно!